

Тупицына Ольга Александровна

И мало кто умел говорить по-русски

Моя тётя, Беннер (дев.Шрейдер) Эмма Филипповна родилась в 1933 году в селе Варенбург Саратовской области. Осенью 1941 года она пошла в школу, в первый класс. В школу ходила два раза, затем вышел приказ о переселении. Учёбу в школе Эмма продолжила уже в Сибири, но училась недолго, так как умерла мама и остались четверо младших ребятшек. С 14 лет Эмма стала работать на стрепеске, где ловили рыбу сетями.

Их семью (папу, маму и четверых детей, из которых старшей было 8 лет, а младшему – год) выслали, как и других жителей деревни Варенбург, в г. Новосибирск, а через год – в с. Медведево. Из Саратовской области ехали на поезде, в вагонах для скота, набитых битком людьми. Ели у кого что было. Не кормили, врачей не было. Доехали до Новосибирска, там перезимовали на квартире у одной женщины. Её близкие были на фронте, и она предложила переселенцам свою «летнюю кухню» (небольшой домик) для жилья. Но весной их погнали дальше на север. Родственники Эммы по отцу и матери тоже были сосланы: одни в Казахстан, другие остались в г. Новосибирске. У этой семьи тоже была возможность остаться, но её мама сказала: «Куда все, туда и мы!». До с. Медведево добирались на барже, по воде. Питание не было организовано, часто приставали к берегу, меняли вещи на еду. Мама успела ещё в родном доме засушить много «наволочек» сухарей, они сохранились до самого конца пути. Так как с ними был отец (инвалид по зрению), которого не взяли в трудармию, как других немецких мужчин, то удалось из дома взять много вещей, некоторую посуду и сундук с одеждой и мукой. Это спасло от голода. Из Саратовской области выехали в августе-сентябре, зиму зимовали в Новосибирске, а в июле 1942 года переселенцев выгрузили в районе Колтогорска (с. Медведево). После высадки на берег семь дней люди просидели на берегу, не знали куда идти и что делать, затем мужчины и женщины стали рыть землянки, валить лес, строить бараки. Брёвна таскали на себе. Женщин с детьми местные жители (их было немного) пустили на время в телятник, пока коровы были на пастбищах. Немецкие женщины скребками вычистили телятник добела и жили там с детьми до холодов. За это время достраивали бараки. В одном бараке жили 5-6 семей. Женщины сами делали кирпичи из глины, чтобы сложить печь. В бараке был один общий котёл, в котором варили еду. Местные жители помогали, как могли. В Медведево было мало жителей, а ссыльные всё прибывали. Последних выгрузили на берег, когда пролетал первый снег. Чтобы прокормить семьи,

немцы ходили в Стрежевое (так раньше называли) и меняли вещи на еду, в основном картошку. За зиму выменяли на еду почти все привезённые вещи и одежду. Говорить по-русски мало кто умел, но отец Эммы научился, когда служил в армии. Старожилы были к переселенцам настроены хорошо, но сами жили не богато, да и помочь всем было трудно. А переселенцы совсем обнищали: вся одежда выменяна, домашняя утварь – сделана своими руками. В семье Шрейдер всё делал своими руками отец, а мама хорошо шила, перешивала. Поначалу было легче, чем другим ссыльным – иметь мужчину было большой роскошью. В основном здесь были женщины и старики.

Ели картошку и рыбу, ловить разрешалось хоть сколько. Корчевали лес, маленькие дети помогали, как могли. Праздников не было, каждый день выживали. Очень много умерло от голода (в основном дети), без врачебной помощи. В 1946 г. во время родов умерла мама Эммы, она мучилась три дня, но никого из врачей не было. И семье, в которой было уже 5 детей (старшей 13, младшему 2 года) стало совсем плохо. Сестра восьми лет стала жить в прислугах в Александровском, другая сестра, десятилетняя, сидела с малышами и готовила еду, а Эмма, как старшая, пошла работать в колхоз наравне со взрослыми. С малышами помогали добрые люди: подкармливали, лечили. Выходных не было, праздников тоже.

Отец Эммы работал конюхом, гонял подводы в Александровское. Выезжали рано утром, целый день шли пешком (подводы гружёные), поздно ночью добирались до места, на следующий день – обратно.

О жизни немцев в наших краях красноречиво говорят реальные истории. Был такой случай: грузили на баржу дрова, которые напилела бригада женщин. После погрузки остались два небольших метровых полена, как-то случайно не замеченных бригадиром. Одна из женщин-немок, вспомнив, что дома сидят голодные и холодные дети, подобрала эти полешки и унесла домой в барак. Ими можно было согреть четыре семьи, живущие в этом бараке. Но кто-то увидел и рассказал об этом бригадиру. Уже вечером за ней пришли. Был суд, дали два года тюрьмы. Не посмотрели на то, что у виновницы было семеро голодных ребятишек, а муж – в трудармии. Она не просто плакала, ее буквально отрывали от детей. Зимой, пешком, намотав на ноги сухую траву, эта молодая женщина шла за обозом до самого Томска. Обратно она так и не вернулась, стигнула в водоворот печальных событий того времени. Судили людей за горстку зерна, за несколько взятых рыбок...

Дети переселенцев рано начинали работать. Брат тётиного мужа, Владимир Беннер, пас коней с 11 лет. В 1947 году, когда ему было 13, произошёл такой случай. Нужно было «спутать» самого резвого коня, чтобы отправить его на барже в Александровское. Тринадцатилетнему мальчишке это никак не

удавалось. Когда приехал бригадир М., никаких объяснений выслушивать не стал, схватился за плётку и хлестал ею подростка, пока его не оттащили подбежавшие мужики. Когда вечером пришла с работы мать, и увидела избитого, еле живого сына, она побежала к бригадиру, плакала и спрашивала: «За что? Почему так жестоко?», на что тот ей ответил: «Ничего твоему фашисту не будет! А если издохнет - невелика потеря!...»

Случай с дедом моего отчима, Фридрихом Функом. Сослали его с семьёй в село Назино, где они жили и работали первый год ссылки. Затем Фридриха перевели на работу в село Новоникольск, а жена с малолетними детьми осталась в Назино. Немцы в то время были под комендатурой и должны были каждый вечер отмечаться в сельсовете. И вот кто-то сообщил Фридриху, что серьёзно заболела его жена. Отпустить в соседнюю деревню повидать жену никто не позволил. Вскоре она умерла. Вечером, отметившись в комендатуре, Фридрих тайком отправился в соседнее Назино попрощаться с любимой женой Амалией. Нужно было пройти более 40 км в один конец, попрощаться и успеть вернуться к утренней переключке. Этот мужественный человек всё успел: и дойти, и в последний раз поцеловать жену, и вернуться до рассвета, но всё же кто-то донёс на него коменданту. Приговор – 5 лет. Пешком до Томска...

Спустя годы, некоторые семьи ссыльных немцев вернулись в родные края. А для моей тёти и её мужа второй родиной стал Стрежевой.

2020 год